

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ 3-ТОМ НАЧАЛО СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Власть и сознание

«Настолько велика моя неприязнь к утверждениям, что я предпочитаю взгляды скептиков везде, где неприкосновенны власть священных писаний и решения церкви», – так Эразм Роттердамский начал один из своих трактатов. Мы продолжаем наш цикл лекций по истории Западной философии Нового времени под авторством Энтони Кенни.

Эразм Роттердамский в приведённой цитате совершенно однозначно выразил своё неприятие и средневековой схоластики, и предшествующих философских школ. Хотя Мартин Лютер обвинял его именно в приверженности к схоластике в их дискуссии о свободе воли, о том, кто является для христианина носителем и выразителем воли. В конечном итоге, по наблюдению Энтони Кенни, все эти дискуссии, политические перипетии в первой половине XVI века привели не только к преодолению схоластики (это был позитивный шаг), но и к отрицанию философии вообще. То есть авторитет философии, уважение к философам как к носителям гуманитарной мысли в Европе резко пошло на убыль. Аристотель и его учения, всё античное наследие, которое было очень высоко поднято в эпоху раннего и высокого Возрождения, к Новому времени практически сошло на нет. Серьёзных философских прорывов Кенни не наблюдает в истории философии XVI века.

Осталась Библия, и это произошло благодаря лютеранской реформации. Этот лютеранский тезис был подхвачен во Франции и в Швейцарии. Жан Кальвин и другие дополнили учение Лютера.

Вопросы, возникающие в Европе во время реформации, в конце концов, не были урегулированы ни рациональным аргументом, ни внутренним просвещением. В стране споры в тот период решались силой оружия или уголовным законодательством. Король Англии Генрих VIII, раздражённый отказом Ватикана освободить его от утомительного брака, порвал с Римом, а своего весьма уважаемого советника Томаса Мора он казнил за то, что тот сохранял верность папе Римскому.

Затем Англия от раскольнической версии католицизма перешла к кальвинизму при сыне Генриха VIII, Эдварде VI. А потом к контрреволюционному католицизму при королеве Марии Стюарт. Пока, наконец, при Марии Елизавете Англия не пришла к такому компромиссу, как англиканство. То есть главой церкви в Англии является королева. Такая сложная история породила сотни мучеников – как протестантских, так и католических. Но зато, считает Кенни, Англия была избавлена от религиозных войн, которые бушевали в течение многих десятилетий в континентальной Европе.

Но к середине XVI века доктринальные позиции приобрели форму, которую они должны были сохранить примерно в течение четырёхсот лет, практически до XX века. Один из заместителей Мартина Лютера Филипп Меланхтон в 1530 году сформулировал тезисы-тесты на проверку ортодоксального католицизма, на верность.

В Аугсбурге в 1555 году, наконец, было достигнуто соглашение Конкордат, которое предусматривало, что каждый правитель страны, входящей в священную Римскую империю, может решать, будут его подданные лютеранскими или католическими христианами. Этот принцип вошёл в историю как крылатый афоризм: «*Cujus regio, ejus religio*» («Чья власть, того и вера»).

В конце концов, институты христианской религии Кальвина обеспечили стандарт для протестантов Швейцарии, Франции, а затем и в Шотландии. В Риме папа Римский Павел III способствовал контрреформации, учредив новый религиозный орден Иезуитов, и созвав совет по реформированию церковной дисциплины. Совет осудить лютеранскую доктрину справедливости и Кальвинистскую доктрину о том, что Бог предопределил нечестивых обитателей ада ещё до любого греха. Свобода воли, настаивал Кальвин, не была уничтожена падением Адама. Этот совет работал до 1563 года. Мартин Лютер к этому времени уже умер, Жан Кальвин завершал свой жизненный путь в этом бренном мире.

Анализируя все эти события, Энтони Кенни говорит о том, что разделение христианского мира было ненужной трагедией. Теологические вопросы, отделявшие Лютера и Кальвина от их католических противников, неоднократно обсуждались и в Средние века. И тем не менее не приводили к сектантским войнам. Немногие католики и протестанты XXI века (если они не профессионально обучены богословию) осознают природу реальных контрастных различий между теориями благодати, предопределения, свободы воли, которые отличают протестантов

и католиков. Но в XVI веке эти споры заставляли людей с оружием в руках отстаивать свои философские взгляды. Конечно, Кенни говорит как английский христианин, как приверженец англиканской церкви.

На этом заканчивается раздел учебника о том, как философские разногласия в эпоху реформации привели к изменению власти. Но Кенни продолжает свой рассказ об истории философии XVI века, сетуя на то, что в результате этих перипетий не только философия оказалась не в чести, но и логика как наука тоже пришла в упадок. Логика как течение мысли, как один из важнейших разделов человеческого знания, была дискредитирована полностью. Мы знаем из истории культуры Франции, как величайший сатирик Франсуа Рабле издевался над логиками. В романе «Гаргантюа и Пантагрюэль» Пантагрюэль спрашивает: «Может ли Химера, бомбящая в вакууме поглотить второстепенные намерения?». И много других, менее известных писателей того времени, конечно, поиздевались над логиками и их трудами.

Самое печальное, что в тот период многие находки мысли (античной мысли, школы стоиков, школы скептиков) были забыты и утрачены. Здесь я хочу отослать наших слушателей к трудам Алексея Лосева и его «Истории античной философии». Он хорошо издан. Самое интересное, что Лосев, будучи выдающимся советским философом, на самом деле являлся последним русским философом, представителем русской философской школы. Лосев застал Николая Бердяева, Николая Лосского, Павла Флоренского. Возможно, Лосев слушал лекции Владимира Соловьёва. Это добротная школа настоящей русской философии, которая была совершенно уничтожена в период большевизма.

Если мы вернёмся к Энтони Кенни и его рассказу о состоянии логики как науки в XVI веке, то стоит обратить внимание на то, что все достижения и стоиков, и скептиков, их наследие, которое было введено в Европейский научный оборот в эпоху Возрождения, всё это было утеряно в начале эпохи Нового времени. Аристотель стал преподаваться на самом минимальном уровне. Примерно в это же время философские труды стали публиковаться не на латыни, не на древнегреческом языке, а на языках, бытовавших в тех странах.

В середине XVI века на английском языке было опубликовано «Правило разума» Томаса Вильсона, посвящённое Эдварду VI. Вильсон впервые ввёл такие термины, как пропозиция. Другие отвергали латинизмы, как раз с середины XVI века пошло такое веяние – придумывать прочную англо-саксонскую терминологию. Французы следовали латинским терминам. Ральф Левер считал, что логику следует называть колдовством. И когда он хотел объяснить в своём учебнике, что противоречивое предложение состояло из двух утверждений – одного утвердительного и одного отрицательного с аналогичным подлежащим, предикатом и глаголом, но английские логические тексты мало что оставили в наследие.

Во Франции вопросы были разными. По мнению Энтони Кенни, Пьер де ла Раме добился славы, которая непропорциональна его фактическим заслугам в качестве логика. По легенде, Раме защитил свою магистерскую диссертацию на том, что всё, что говорил Аристотель, должно быть признано ложным. Он создал целую серию из 20 книг, и все эти книги были посвящены порицанию Аристотеля. Его труды публиковались и на английском, и на латыни. Де ла Раме претендовал на то, что его труды заменят все предыдущие логические тексты. Он говорил, что «логика – это искусство, которое учит, как хорошо спорить». Де ла Раме разделил логику на две части: изобретения и суждения. Хотя Энтони Кенни и проявляет сарказм по отношению к французскому учёному, всё-таки следует заметить, что именно такая манера письма, как у де ла Раме, во многом определяет нынешний научный дискурс не только во Франции, но и в англо-саксонских странах (в Британии и в США уж точно).

На самом деле Де ла Раме как учёный был довольно авторитетен. В XVI веке даже были дискуссии между сторонниками Аристотеля и рамеистами. Кенни утверждает, что были даже группы полурамеистов, которые выступали за компромисс.

Одно из интересных имён – Мигель Сервет – испанский учёный, который обнаружил лёгочную циркуляцию крови, сделав великое открытие. Но несмотря на это был сожжён в кальвинистской Женеве за отрицание Троицы и божественности Иисуса. Французский классицист, преподававший в Базеле, Себастьян Каstellлио был потрясён казнью Сервета и написал целый трактат «Следует ли преследовать еретиков?», который был издан в Магдебурге. Каstellлио призывает к терпимости. «Если во время своей проповеди ты был образцом

добра, нежности, милосердия, терпения к неправым, неужели, Иисус, ты так изменился?», – патетически вопрошает Кастеллио. Конечно, он обращается не к Христу, он обращается к кальвинистскому суду, к инквизиторам: «Если ты, о, Христос, повелил эти казни и пытки, то что ты оставил дьяволу делать?».

Кастеллио замечателен не тем, что он одним из первых призвал к профессиональной толерантности, а тем, что он написал работу «Искусство сомневаться». И это заметное явление в развитии школы скептиков. Себастьян Кастеллио развивает скептицизм с позиции христианской теологии. Он говорит о том, что многообразие толкований священного писания и разнообразие мнений христианских сект, должны привести к тому, что следует быть очень осторожными в установлении законов по религиозным вопросам. И не случайно это происходило именно в Швейцарии, потому что Швейцарская конфедерация состояла из протестантских, лютеранских, кальвинистских, католических кантонов. Поэтому вопросы законодательства для этой страны, конечно, были очень актуальными.

Имя Себастьяна Кастеллио – тоже одно из малоизвестных для казахоязычного и русскоязычного слушателя. Гораздо более известен другой выдающийся философ, скептик XVI века. Его называют одним из величайших моралистов эпохи раннего Просвещения. Это французский философ Мишель де Монтень. Он был придворным, очень интересным автором эссе. «Максимы» Монтеня входят в сокровищницу европейской культуры. Но Кенни упоминает Мишеля де Монтеня как комментатора естественного богословия. «Апология Раймонда Себонда» Монтеня написана в ясной и остроумной французской прозе. Эта работа стала классическим современным утверждением о скептицизме. Она содержит гораздо больше чем простое повторение древних скептических аргументов. Прежде чем представить их Монтень упорно трудится, чтобы вызвать у своего читателя должную степень интеллектуального смирения. «Люди склонны считать себя вершиной творения, но действительно ли люди превосходят других животных, с которыми они делят Землю?». Известная фраза Монтеня: «Когда я играю с кошкой, кто знает, может, это кошка играет со мной». В XX веке появился известный афоризм-предупреждение микробиологам: «Когда вы кого-то рассматриваете в микроскоп, не забывайте о том, что кто-то с другой стороны объектива внимательно изучает ваш глаз».

Мишель де Монтень задаётся вопросами этики. Он говорит о том, что только человеку свойственны черты добродетели, которыми люди так гордятся. И Монтень приводит множество примеров о верности собак, о благородстве и нежности львов. Их Монтень противопоставляет жестокости и коварству людей. Настолько ли человек превосходит животных, чтобы считать себя наиболее выдающимся созданием Бога. Монтень говорит: «Есть две сферы, в которых люди опираются на свою уникальность, это религия и философия». Однако он и здесь приводит такие аргументы, что человеку не следует так уж задаваться, что он (в отличие от животных) умеет философствовать. Монтень вспоминает изречение Цицерона: «Невозможно сказать ничего, настолько абсурдного, чтобы это не было сказано уже каким-то философом или кем-то другим».